

МУРЗИЛКА

XX 63
11

1.
Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
В. И. Ленин

ДЕТИЗДАТ
ЦК ВЛКСМ
ИЮНЬ 1937

№6

Всем пионерам и школьникам Советского Союза

О конкурсе на лучший детский рисунок и литературное произведение, посвященные двадцатилетию Великой пролетарской социалистической революции.

ЦК ВЛКСМ, Центральный музей им. В. И. Ленина, „Комсомольская правда“, „Пионерская правда“ и „Колхозные ребята“ объявляют конкурс на лучшие рисунки и литературные произведения пионеров и школьников, посвященные двадцатилетию Великой пролетарской социалистической революции.

Рисунки и литературные произведения могут посылаться на конкурс с 1 мая до 1 октября 1937 года.

Участвовать в конкурсе могут все пионеры и школьники от 1-го до 10-го класса включительно. Каждому участнику конкурса предоставляется право свободного выбора темы. На каждой присланной работе должно быть указано: фамилия, имя, местожительство, возраст, пионерский отряд, школа и название работы, присылаемой на конкурс.

Каждый пионер и школьник может прислать на конкурс несколько своих работ.

Лучшие работы будут премированы.

К 1 октября в Москве будет создана выставка лучших рисунков, поступивших на конкурс. Лучшие литературные произведения будут напечатаны. Каждый, выполнивший работу на конкурс, направляет ее в Москву по следующему адресу: Москва, площадь Революции, музей им. В. И. Ленина. С пометкой: „На конкурс“.

Оргкомиссия по проведению всесоюзного конкурса

*...К нам из Бильбао
Неделю назад
Приехал
Пятнадцатилетний
Солдат,*

*Чтоб в лагере с нами
Учиться и жить.
Ребята, мы будем
С испанцем дружить!..*

С. Михалков

У НАС ГОСТЯТ ИСПАНЦЫ

*А. Гудимов
Фото С. Гурария*

Сперва они собрались в большом городе Валенсия. Они пришли туда из разных концов Испании. Вот семья Молинас: отец, мать и пять человек детей. Они пришли в Валенсию пешком из Малаги. Самому маленькому, Альфреду, всего шесть лет. Младшей девочке, Кармен, — семь. Старшую девочку зовут Ремеунас. Ей тринадцать лет. Она все запомнила и рассказывает теперь:

— Когда фашисты подошли к Малаге, папа с мамой решили бежать, а то фашисты нас, крестьян-бедняков, не пощадили бы...

Всю дорогу они прошли пешком по горным тропинкам. Дорога была трудная. Маленьких Альфреда и Кармен часто приходилось нести на руках. Ноги от тяжелой дороги опухли. А тут еще не давали покоя итальянские самолеты. Фашистские летчики, заметив толпу беженцев, бомбили беззащитных людей и расстреливали из пулеметов. Приходилось прятаться за камни, ложиться в канавы. После одного из таких налетов пропала самая старшая сестра — уже взрослая.

— Ее, наверное, убили фашисты, — говорит, вздыхая, Ремеунас.

Десятилетний Франциско Монсиа приехал из Мадрида. Он очень волнуется, когда рассказывает, что он сам испытал.

— Фашисты бомбами и снарядами разрушили очень много домов в Мадриде. В дом, где мы жили, тоже попала бомба и весь его развалила. Мы не пострадали только потому, что все спрятались в подвал.

До мятежа фашистов у Франциско было еще четыре брата, и они все вместе жили в Мадриде. А сейчас они разбрелись по всему свету. Один брат остался с матерью в Мадриде, другой брат в Валенсии, два в Тарагоне, в детском доме, а Франциско теперь у нас, в Крыму, в Артеке.

Отец его на мадридском фронте. Перед отъездом в СССР Франциско хотел с ним проститься. Линия фронта проходила недалеко, и Франциско побежал искать отца. Осторожно пробирался он из окопа в окоп, от батареи к батарее. Ухали пушки. Над головой повизгивали пули. Франциско

Испанские пионеры в Артеке научились играть в камешки.

полдня искал отца, но так и не нашел. Пришлось ехать не простившись...

Много грустных историй о своей жизни рассказывают испанские ребята. Все они видели, как кружатся над городом вражеские самолеты. Все видели бомбы, которые с грозным свистом молнией падали на их дома и рвали все вокруг... Все видели убитых и раненых братьев, отцов, знакомых.

В Валенсии ребят собралось очень много. Всем им на выбор предложили три страны, куда они могут поехать: СССР, Францию и Бельгию. Франциско, Ремеунас, Чарито и еще много ребят выбрали Советский Союз.

Настал последний день. Ребят покатали еще раз по городу в трамвае и вечером усадили на пароход.

Обычно пароходы в шесть-семь дней приходят из Валенсии в Черное море. Но этому испанскому пароходу пришлось плыть мимо фашистских кораблей. Фашисты могли напасть и потопить пароход. Чтобы его не заметили, пароход шел только ночью, с погашенными огнями.

Через десять дней они пришли в Ялту. Советские пионеры встретили дальних и дорогих гостей на пристани

с цветами. Испанских ребят усадили на автомобили и отвезли в Артек, чудесный пионерский лагерь. Раньше здесь жила богатая купчиха, но после революции у нее отобрали этот дом. Сейчас дом и сад принадлежат советским ребятам. Сам товарищ Молотов, глава нашего правительства, следит за тем, чтобы в этом лагере ребята отдыхали весело и хорошо.

В лагере старший вожатый Кротов осмотрел своих новых питомцев и сказал:

— А ну-ка, товарищи-камарадос, давайте-ка мыться.... Ванна ждет!

Испанские ребята давно не мылись. Их усердно терли с ног до головы — и не один, а два и три раза. Ведь многим из них приходилось неделями жить в сырых, грязных подвалах. Немудрено: ребятам было не до мытья, потому что над головой рвались снаряды, бомбы и рушились дома.

Одетые в чистые костюмы и белье, ребята сели завтракать. На столе было сливочное масло, сметана, паюсная черная икра, чай. Это был обычный завтрак артековцев. Но испанские ребята, посмотрев на все это, отрицательно покачали головой: они хотели есть, но не знали, что это такое стоит на столе. Все они были из бедных пролетарских и крестьянских семей и никогда в жизни не ели сливочного масла и не видели черной паюсной икры. Одна из девочек осторожно попробовала масло и недоверчиво сказала:

— Нет, это не маргарин.

Дома, в бедной рабочей семье, она привыкла есть только маргарин.

Всех выручил испанский повар с парохода. На большом блюде он уложил яркозеленые листья салата. Советские ребята не привыкли есть эти листья, и артековский повар только украшал салатом вторые блюда. Испанские ребята с удовольствием съели весь салат. В Испании очень любят салат.

На столах стояли сахарницы с сахаром. Для испанских ребят сахар оказался редким лакомством. Они не видели у себя дома сахара. Сахаром они

начали посыпать картошку, в сахар макали апельсины и даже пытались сахар класть в суп.

Долго ребята не могли привыкнуть к тому, что над их головами не будут больше кружиться враждебные фашистские самолеты. Однажды русские пионеры решили показать им одну из веселых, шумных игр. Собирались запустить пионерскую ракету — бум! пионерррр... Но в ту минуту, когда неожиданно раздались крики, гул и треск, испанские ребята вздрогнули, нагнули головы и по привычке начали искать прикрытия. Смелые глаза их сердито засверкали. Маленькие испанцы сжали кулаки: они думали, что над Артеком появился самолет. А самолетов они привыкли бояться.

Вожатые и советские пионеры стараются развеселить их. И с каждым прожитым в Артеке днем испанские ребята все больше и больше успокаиваются. Русские и испанские ребята быстро перезнакомились, подружились.

— Ком теямос? Как звать?— кричит по-испански маленькая русская девочка испанцу Педро.

— Педро,— отвечает тот.

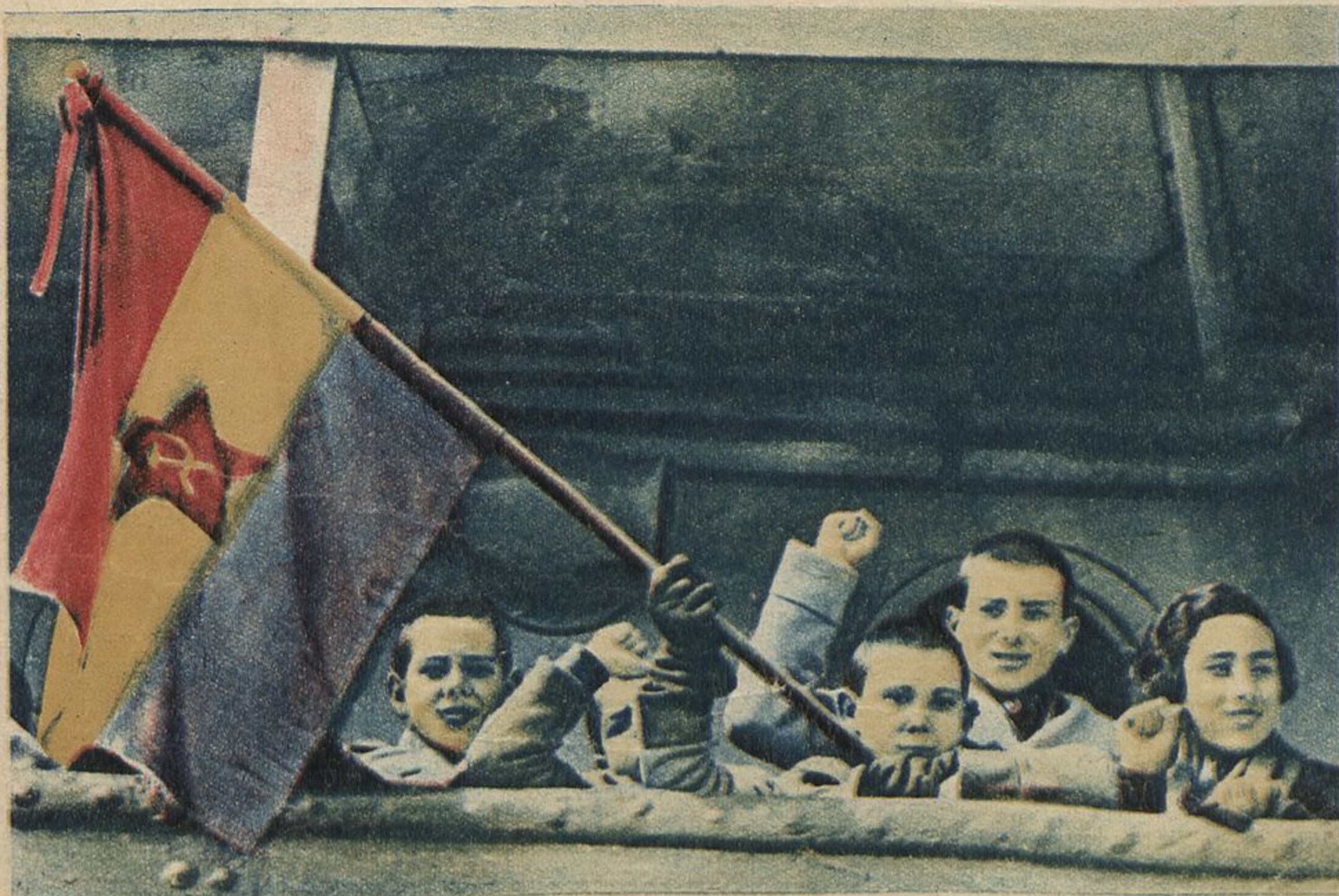
— А меня— Маша.

Вот и познакомились. Уже маленький Франциско принимает сигналы флажками от такого же маленького Миши.

Постепенно ребята привыкают и к артековской пионерской жизни. Утром их трубач что есть силы выдувает „подъем“ из блестящей трубы. Днем они занимаются играми, работают на Детской технической станции. Они клеят маленькие парашюты, занимаются у настоящего планера, возятся с авиамоделями самолетов.

— Авиадор, авиадор!— кричат они, указывая на себя. Это значит: я летчик!

Они уже полюбили самолеты. Им не терпится скорее вырасти, самим стать летчиками и бить в воздухе ненавистных фашистов...

Испанские ребята подплывают на пароходе к советским берегам.

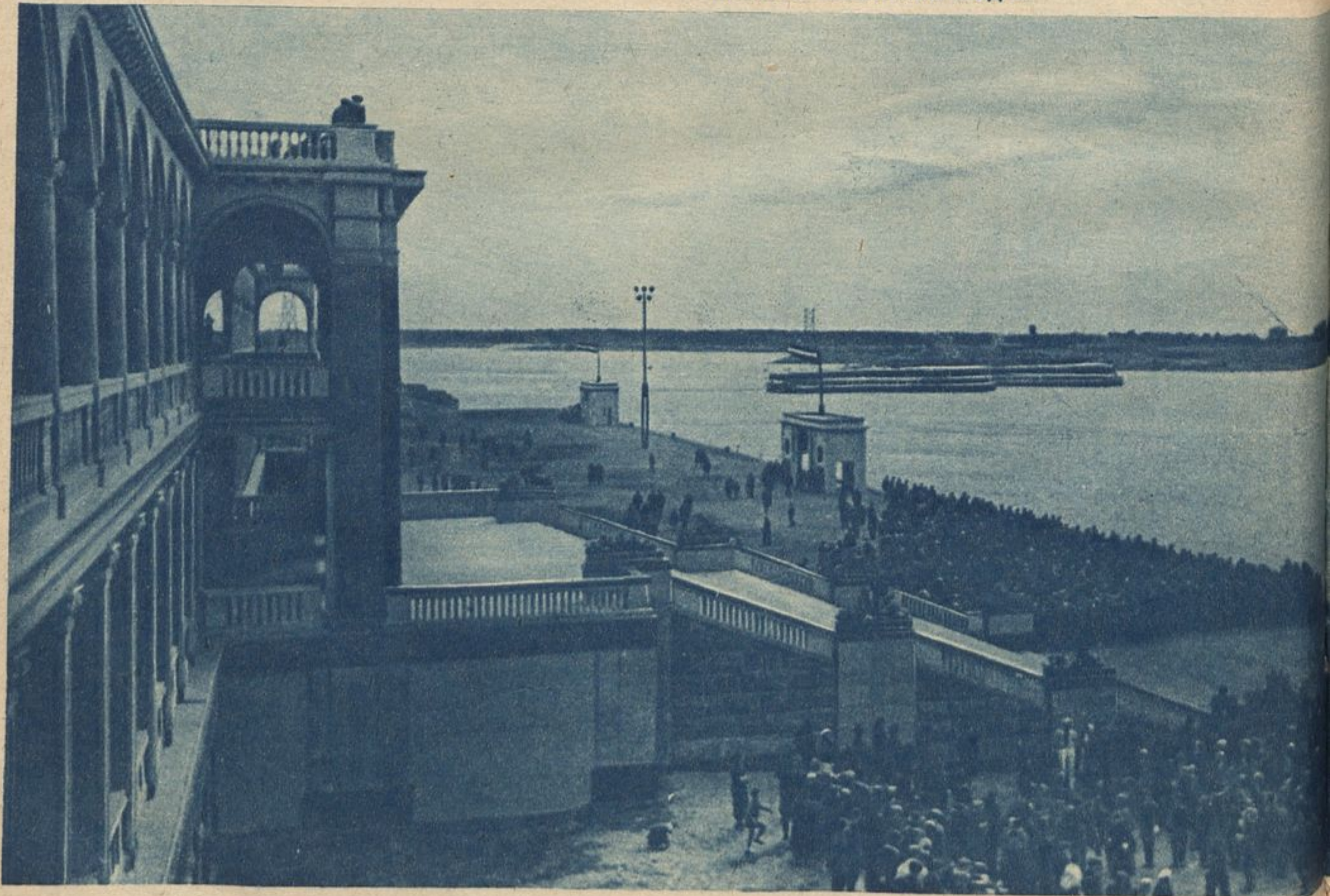
ВОЛГА — МОСКВА

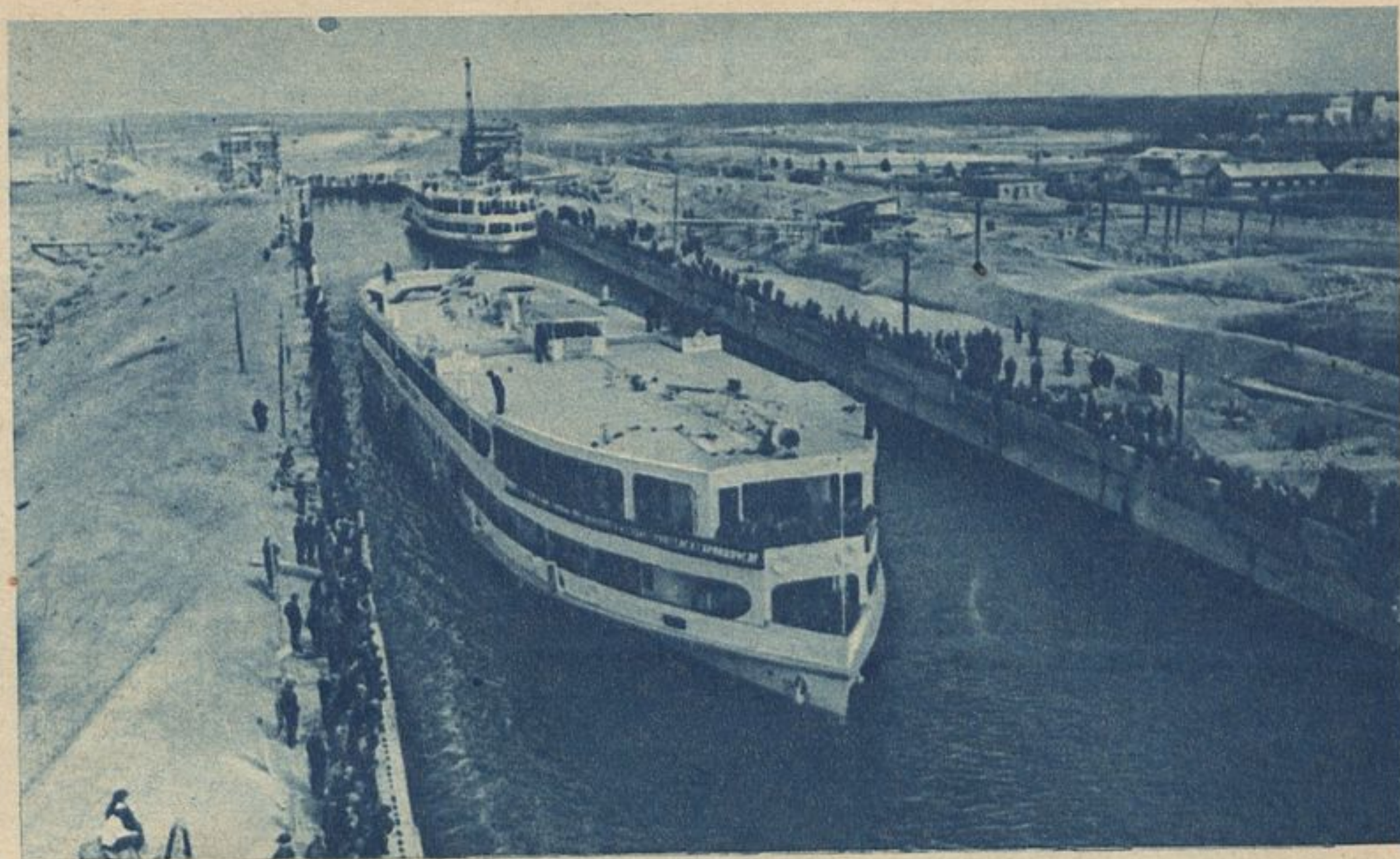
Товарищ Сталин осматривает строительство канала.

2 мая первые волжские пароходы и теплоходы загудели у северных предместий Москвы. Они пришли в столицу новой, длинной и широкой, водной дорогой. Они пришли с Волги, через новое, Московское море, через шлюзы, через 228 километров канала Волга—Москва. Теплоходы прошли каналом и причалили у огромного и красивого Московского речного вокзала, на просторном водохранилище в Химках. Так открылся новый удобный путь из Волги в Москва-реку. Москва получила большую хорошую воду. Канал Волга—Москва—один из самых великих каналов в мире. Первым задумал построить этот канал товарищ Сталин.

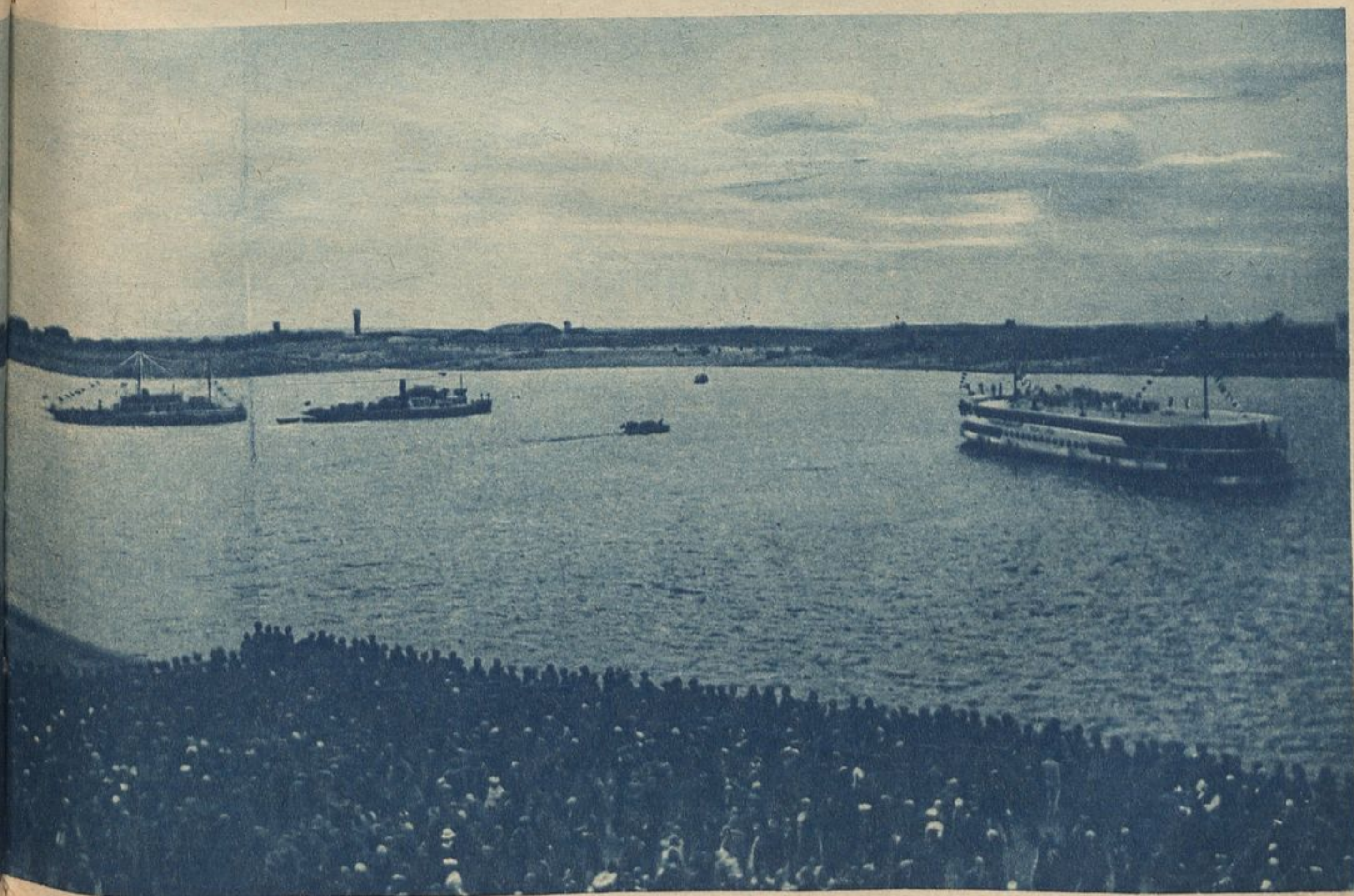
Мимо красного Кремля потекут теперь чистые волжские воды.

Московский Северный речной вокзал у химкинского водохранилища канала Волга—Москва.

*Первые теплоходы „Иосиф Сталин“ и „Вячеслав Молотов“
проходят первый шлюз канала Волга—Москва.*

Одуванчик

*Стихи Е. Благиной
Рисунок худ. А. Брея*

Как прохладно в чаще еловой!
Я цветы в охапке несусь...
Одуванчик белоголовый,
Хорошо ли тебе в лесу?

Ты растешь у самой опушки,
Ты стоишь на самой жаре.
Над тобой кукуют кукушки,
Соловьи поют на заре.

И гуляет ветер душистый
И роняет листья в траву...

Одуванчик, цветок пушистый,
Я тебя тихонько сорву.

Я сорву тебя, милый, — можно?
И потом отнесу домой...
Ветер дунул неосторожно, —
Облетел одуванчик мой!

Посмотрите — вьюга какая
В середине жаркого дня!
И летят пушинки, сверкая,
На цветы, на траву, на меня...

Мишон

Рассказ Михаила Пришвина
Рисунки худ. К. Кузнецова

В одном совхозе было. Пришел к директору знакомый китаец и принес подарок. Директор, Трофим Михайлович, услышав о подарке, замахал рукой. Огорченный китаец поклонился и хотел уходить. А Трофиму Михайловичу стало жалко китайца, и он остановил его вопросом:

— Какой же ты хотел поднести мне подарок?

— Я хотел бы, — ответил китаец, — поднести тебе в подарок свой маленький собач, самый маленький, какой только есть в свете.

Услышав о собаке, Трофим Михайлович еще больше смутился. В доме директора в это время было много разных животных: жил кудрявый гордон Нелли, гончий англо-русский Трубач, жил Мишка, кот черный, блестящий и самостоятельный, жил грач ручной, ежик домашний и Борис, молодой красивый баран. Всех этих животных держали в доме для мальчика Шуры: Елена Васильевна очень любила животных и сына своего немного баловала. При таком множестве дармоедов Трофим Михайлович, понятно, должен был смутиться, услышав о новой собаке.

— Молчи! — сказал он тихонько китайцу и приложил палец к губам.

Но было уже поздно: Елена Васильевна услышала слова о самой маленькой во всем свете собачке.

— Можно посмотреть? — спросила она, появляясь в конторе.

— Собак здесь! — ответил китаец.

— Приведи!

— Он здесь! — повторил китаец. — Не надо совсем „приведи“.

И вдруг с очень доброй улыбкой вынул из своей кофты притаенную за пазухой собачку, каких я в жизни своей никогда не видел и, наверно, у нас в Москве мало кто видел. Моей мягкой шляпой ее можно было бы прикрыть, прихватить и так унести. Она была рыженькая, с очень короткой шерстью, почти голая и, как самая тоненькая пружинка, постоянно отчего-то дрожала. Такая маленькая, а глазки большие, черные, блестящие и на выкате, как у муравья.

— Что за прелесть! — воскликнула Елена Васильевна.

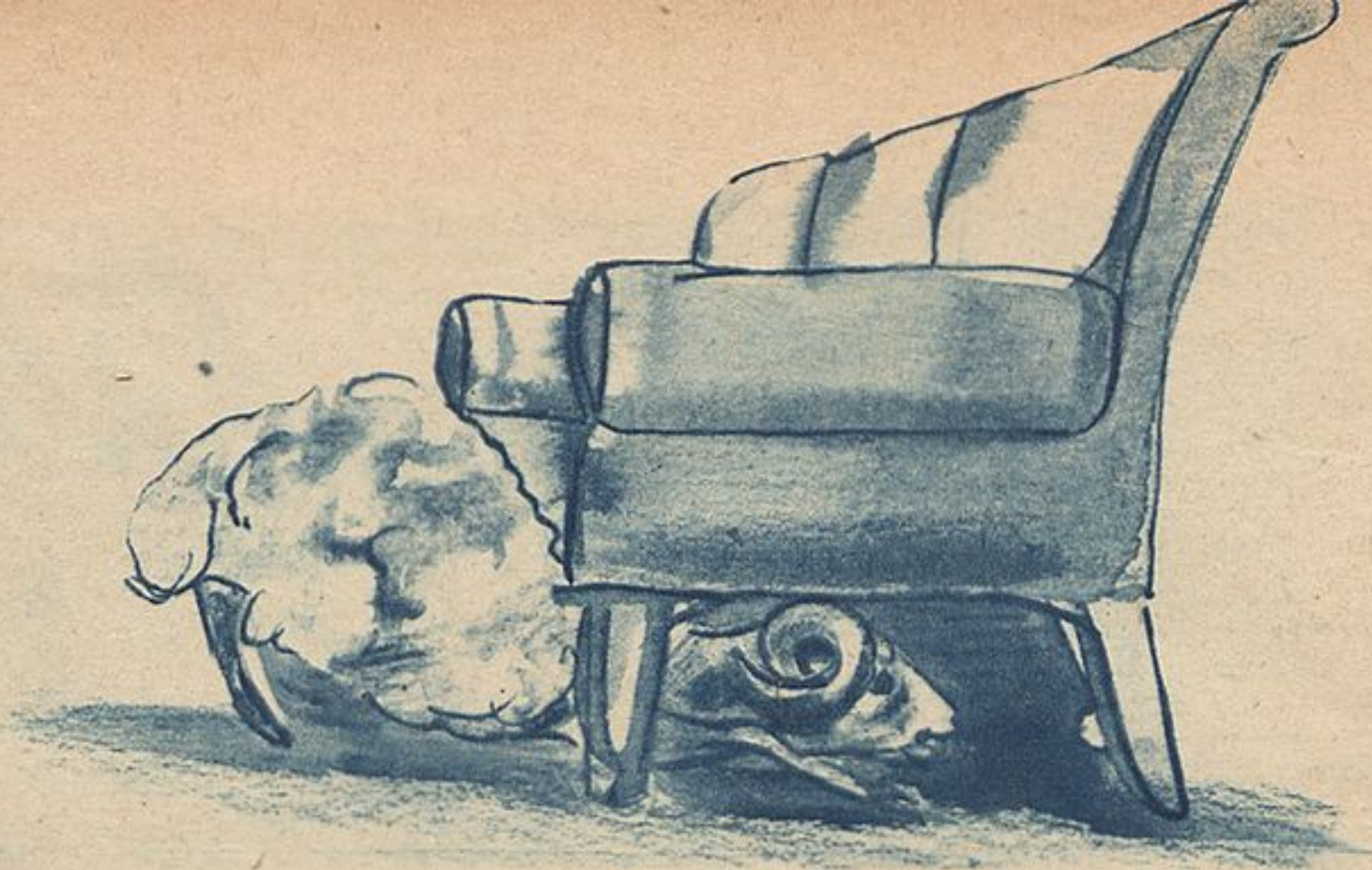
— Возьми его! — сказал счастливый похвалой китаец.

И передал свой подарок хозяйке.

Елена Васильевна села на стул, взяла к себе на колени дрожавшую не то от холода, не то от страха пружинку, и сейчас же маленькая верная собачка начала ей служить, да еще как служить! Сам директор протянул было руку погладить своего нового жильца, и в один миг тот хватил его за указательный палец. Но, главное, при этом поднял в доме такой сильный визг, как будто кто-то на бегу схватил поросенка за хвостик и задержал.

Визжал долго, влаивал, захлебывался, дрожал, голенький, от холода и злости, как будто не он директора, а его самого укусили.

Вытирая платком кровь на пальце, недовольный Трофим Михайлович сказал,

внимательно вглядываясь в нового сторожа своей жены:

— Визгу много, шерсти мало!

Услыхав визг и лай, прибежали Нелли, Трубач, Борис. Мишка прыгнул на подоконник, на открытой форточке пробудился залремавший грач. Новый жилец принял всех их за неприятелей своей дорогой хозяйки и бросился в бой. Он выбрал себе почему-то барана и больно укусил его за ногу. Борис метнулся на турецкий диван и там закрылся подушками. Нелли и Трубач от маленького чудовища унеслись из конторы в столовую. Проводив огромных врагов, маленький воин кинулся на Мишку, но тот не побежал, а, изогнув спину дугой, завел свою общеизвестную ядовитую военную песню.

— Нашла коса на камень! — сказал Трофим Михайлович, высасывая кровь из раненого указательного пальца. — Визгу много, шерсти мало! — повторил он своему обидчику. И коту Мишке, подтолкнув его ногой: — Ну-ка, Мишка, пыхни в него!

Мишка поднял свою военную песню на самую большую высоту и хотел было пыхнуть, но быстро, заметив, что враг от песни его не только не моргнул, а зажег новый страшный огонь в своих огромных выпуклых муравьиных глазах, метнулся сначала на подоконник, а потом и в форточку, увлекая на воздух вместе с собой и грача.

После этого большого дела победитель

как ни в чем не бывало прыгнул обратно на колени своей хозяйки.

— А как его звать? — спросила очень довольная всем виденным Елена Васильевна.

Китаец ответил просто:

— Лимон.

Никто не стал добиваться, что значит по-китайски слово „лимон“, все подумали — собачка очень маленькая, желтая, и лимон в нашем смысле кличка ей самая подходящая.

Так начал этот забияка властвовать и тиранить дружных между собой и добродушных зверей. Как раз в это время я гостил у директора и четыре раза в день приходил есть и пить чай в столовую. Лимон возненавидел меня, и довольно мне было показаться в столовой, чтобы он летел с коленей хозяйки навстречу моему сапогу, а когда сапог легонечко его задевал, летел обратно на колени и ужасным визгом возбуждал хозяйку против меня. Во время самой еды он несколько примолкал, но опять начинал, когда я в забывчивости после обеда пытался приблизиться к хозяйке и поблагодарить.

Моя комната от хозяйских комнат разделялась тоненькой перегородкой, и от вечных завываний маленького тирана мне совсем почти невозможно было ни читать, ни писать. А однажды глубокой ночью меня разбудил такой визг у хозяев, что я подумал, не пришли ли уж, не забрались

ли к ним воры или разбойники. С оружием в руке бросился я на хозяйскую половину. Оказалось, другие жильцы тоже прибежали на выручку и стояли кто с ружьем, кто с револьвером, кто с топором, кто с вилами, а в середине их круга Лимон дрался с домашним ежом.

И много такого случалось почти ежедневно, жизнь становилась тяжелой, и мы с Трофимом Михайловичем стали крепко задумываться, как бы нам избавиться от неприятностей. И вот случилось. Однажды Елена Васильевна ушла куда-то и в первый раз за все время оставила почему-то Лимона дома. Тогда мгновенно мелькнул у меня в голове план спасения, и, взяв в руку шляпу, я прямо пошел в столовую.

— Ну, брат, — сказал я Лимону, — хозяйка ушла, теперь твоя песенка спета. Сдавайся уж лучше.

И, дав ему грызть свой тяжелый сапог, сверху вдруг накрыл его своей мягкой шляпой, обнял полями и, перевернув, посмотрел: в глубине шляпы лежал молчаливый комок, и глаза оттуда глядели большие и, как мне показалось, печальные.

Мне даже стало чуть-чуть жалко, и в некотором смущении я подумал: „А что, если от страха и унижения сделается у него разрыв сердца, как я отвечу тогда Елене Васильевне?“

— Лимон, — стал я его ласково успокаивать, — не сердись, Лимон, на меня, будем друзьями.

И погладил его по голове. Погладил еще и еще. Он не противился, но и не веселел. Я совсем забеспокоился и осторожно пустил его на пол. Почти шатаясь, он тихо пошел в спальню. Даже обе большие собаки и баран насторожились и проводили его удивленными глазами.

За обедом, за чаем, за ужином в этот день Лимон молчал, и Елена Васильевна стала думать, не заболел ли уж он. На другой день после обеда я даже подошел к хозяйке и в первый раз имел удовольствие поблагодарить ее за руку. Лимон как будто набрал в рот воды.

— Что-то вы с ним сделали в мое отсутствие? — спросила она.

— Ничего, — ответил я спокойно, — наверно, он начал привыкать — и ведь пора!

Я не решился сказать ей, что Лимон побывал у меня в шляпе. Но с Трофимом Михайловичем мы радостно перешепнулись, и, казалось, он ничуть не удивился, что Лимон потерял свою силу от шляпы.

— Все забияки такие, — сказал он. — И наговорит-то тебе, и навизжит, и пыль пустит в глаза, но стоит посадить его в шляпу — и весь дух вон: визгу много, шерсти мало!

Прошел год со дня смерти великого пролетарского писателя
Алексея Максимовича Горького.

*Максим Горький и Клим Ворошилов
в тире Центрального дома Красной армии.*

*С картины художника
В. Сварога.*

Письмо Максиму Горькому

Однажды Алексей Максимович Горький получил письмо от шестилетнего мальчика Бори.

*„Дядя Олеша, я тебя люблю, — писал Боря. —
Есть ли у тебя лошадь, корова и бык? Напиши
нам рассказ про воробьишку. И еще напиши нам
какой-нибудь выдуманный рассказ, чтобы маль-
чик удил рыбу. Я тебя целую. Боря.
Я бы хотел тебя увидеть“.*

Это было в 1912 году.

Алексей Максимович ответил Боре не только письмом, но и рассказами. Один из них мы печатаем в журнале.

Рассказ А. М. Горький назвал по-Бориному: „Воро-
бьишко“.

У воробьев совсем так же, как у людей: взрослые воробьи и воробьихи — пичужки скучные и обо всем говорят, как в книжках написано, а молодежь — живет своим умом.

Жил-был желторотый воробей, звали его Пудик, а жил он над окошком бани, за верхним наличником, в теплом гнезде из пакли, моховинок и других мягких материалов. Летать он еще не пробовал, но уже крыльями махал и все выглядывал из гнезда.

— Что, что? — спрашивала его воробьиха-мама.

Он потряхивал крыльями и, глядя на землю, чирикал:

— Чересчур черна, чересчур!

Прилетал папаша, приносил букашек Пудику и хвастался:

— Чив ли я?

Мама-воробьиха одобряла его:

— Чив, чив!

А Пудик глотал букашек и думал:

— Чем чванятся — червяка с ножками дали — чудо!

И все высовывался из гнезда, все разглядывал.

— Чадо, чадо, — беспокоилась мать, — смотри — чебурахнешься!

— Чем? Чем? — спрашивал Пудик.

— Да не чем, а упадешь на землю, кошка — чик! — и слопает, — объяснял отец, улетаая на охоту.

Так все и шло, а крылья расти не торопились. Подул однажды ветер — Пудик спрашивает:

— Что? Что?

— Ветер дунет на тебя — чирк! — и сбросит на землю — кошке, — объяснила мать.

Это не понравилось Пудику, он и сказал:

— А зачем деревья качаются? Пусть перестанут, тогда ветра не будет...

Пробовала мать объяснить, что это не так, но он не поверил — он любил объяснять все по-своему.

Идет мимо бани мужик, махает руками.

— Чисто крылья ему оборвала кошка, — сказал Пудик, — одни косточки остались!

— Это человек, они все бескрылые! — сказала воробьиха.

— Почему?

— У них такой чин, чтобы жить без крыльев, они всегда на ногах прыгают, чу?

— Зачем?

— Будь-ка у них крылья, так они бы и ловили нас, как мы с папой мошек...

— Чушь! — сказал Пудик. — Чушь, чепуха! Все должны иметь крылья. Чать на земле хуже, чем в воздухе!.. Когда я вырасту большой, я сделаю, чтобы все летали.

Пудик не верил маме.

Он еще не знал, что если маме не верить — это плохо кончится. Он сидел на самом краю гнезда и во все горло распевал стихи собственного сочинения:

— Эх, бескрылый человек,
У тебя две ножки,
Хоть и очень ты велик,
Едят тебя мошки!
А я маленький совсем,
Зато сам мошек ем.

Пел, пел, да и вывалился из гнезда, а воробьиха за ним, а кошка — рыжая, зеленые глаза — тут, как тут. Испугался Пудик, растопырил крылья, качается на сереньких ножках и чирикает:

— Честь имею, имею честь...

А воробьиха отталкивает его в сторону, перья у нее дыбом встали — страшная, храбрая, клюв раскрыла — в глаз кошке целит.

— Прочь, прочь! Лети, Пудик, лети на окно, лети...

Страх приподнял с земли воробьишку, он подпрыгнул, замахал крыльями — раз, раз, и — на окне! Тут и мама подлетела — без хвоста, но в большой радости, села рядом с ним, клюнула его в затылок и говорит:

— Что? Что?

— Ну, что ж! — сказал Пудик. — Всему сразу не научишься!

А кошка сидит на земле, счищая с лапы воробьишины перья, смотрит на них — рыжая, зеленые глаза — и сожалеет мяукает:

— Мя-аконький такой воробушек, словно мы-ышка... мя-увы...

И все кончилось благополучно, если забыть о том, что мама осталась без хвоста...

РАССКАЗЫ

САЛЛИ

ДОТСОН

(Продолжение)

Это рассказы из жизни негритянки-коммунистки, которая живет теперь со своими детьми в СССР.

Н. Кальма

Рисунки художн. М. Михаэлис

НАМ ВХОДИТЬ НЕЛЬЗЯ

Моя бабушка Дженни с мамой Ло уехали в город Нью-Орлеан. Это красивый большой город, расположенный возле устья реки Миссисипи и Мексиканского залива.

В городе Нью-Орлеане было несколько табачных фабрик, где работали негры. Моя бабушка тоже хотела устроиться на одну из этих фабрик работать.

Ло сильно выросла за это время, за плечами у нее торчали две смешные тугие косички. Но она попрежнему была любопытна и всюду совала свой нос.

Она бегала на берег Миссисипи, самой большой реки в мире, или же взбиралась на гору, откуда был виден голубой залив и проплывающие пароходы.

В новом городе Ло понравился еще сад. За решеткой сада Ло видела большие волосатые пальмы. Росли там тюльпанные деревья с крупными, будто восковыми, цветами, островерхие тисы, магнолии раскрывали белые чаши, и торчали, похожие на ежей, круглые колючие кактусы. Ло впервые видела

бананы и зеленые тонкие бамбуки. Белые люди с зонтиками гуляли по дорожкам.

Ло вошла было в ворота, но сторож застучал палкой и грубо закричал на нее:

— Куда лезешь, черная! Не видишь, что ли, что здесь написано?

Он ткнул пальцем в вывеску на решетке. Но это было напрасно: Ло не умела читать. А если бы она была грамотна, она заплакала бы от обиды. На решетке висела дощечка:

Негров и собак не водить

ЛО УЧИТСЯ

— Мама, мама, прочитай, что там написано, и научи меня читать! — кричала Ло.

Она, запыхавшись, прибежала домой. Но Дженни сама не умела ни читать, ни писать. В Америке было запрещено учить грамоте негров. И только после объявления свободы начали открыв-

ваться первые школы для черных детей.

Дженни служила кухаркой в пансионе, где учились дочери богатых фермеров.

— Барышни, научите мою Ло читать и писать, — попросила она пансионерок.

Белые барышни захохотали:

— Учить негритянку?! Ха-ха-ха! Даром время тратить!

Тогда Дженни записала Ло в негритянскую школу. Ах, как радовалась Ло, когда мама надела на нее новенькое клетчатое платье с зеленым поясом и дала с собой мешочек с завтраком! В мешочке лежали вареные бобы и круглая маисовая лепешка.

Но в школе сидели малыши. Увидев большую Ло, которой было уже тринадцать лет, малыши принялись кричать:

— Гляди, гляди, верста пришла! Фонарный столб шагает!..

Дома Ло долго плакала:

— Не пойду, не пойду в школу!.. Они смеются надо мной! Я слишком большая...

Но Дженни уговорила дочку.

— Помнишь Паркера? — сказала она Ло. — Мы, негры, сможем бороться с

такими белыми только тогда, когда будем грамотными.

При имени Паркера Ло нахмурилась: она не могла спокойно вспоминать этого палача.

— Хорошо, — сказала она, — я буду учиться!

ПУТЬ В НЬЮ-ЙОРК

Ло кончила школу и вышла замуж за негра, который служил фургонщиком в конторе по перевозке мебели.

Это был мой отец. Он целый день ездил на своем фургоне. Его белая лошадь Роза очень не любила возить тяжести, и отец покрикивал на нее:

— Шевели ногами, старая, шевели ногами!

Лошадь поводила ушами и бежала быстрее.

Отец зарабатывал мало, и, чтоб ему помочь, мама Ло стирала белье на заказчиков. Целый день у нас во дворе сушилось белье, и ветер трепал рукава рубах.

Я и мой брат Гордон были еще совсем маленькими, когда возчики привезли домой умирающего отца. Он надорвался, перенося в фургон тяжелые вещи. Лежа в постели, он громко стонал от боли. Мама Ло сидела, держа его за руку, не замечая нас, хотя мы плакали и терлись об ее плечо.

К вечеру отец умер. Соседки-негритянки пришли поплакать с мамой, и всю ночь у нас в доме раздавались горестные вопли.

Похоронили отца. Мама Ло решила ехать с нами на север, в Нью-Йорк. Ей казалось, что там легче живется неграм.

Мы сели на пароход и поехали сначала по Мексиканскому заливу, а потом, через Флоридский пролив, в Атлантический океан. Мне и Гордону не нравилось, что мы едем на тесной и грязной нижней палубе. Снизу мы видели, как наверху, за начищенными медными перилами, гуляют белые дети. Иногда дети смотрели на нас и чему-то смеялись, а мы в ответ корчили им гримасы.

— Полезем наверх! — сказала я Гордону.

Мы тихонько отошли от мамы и полезли по ступенькам вверх. Гордон был совсем маленький и с трудом карабкался за мной. Когда мы достигли самой верхней ступеньки, я подняла голову и вдруг увидела боцмана.

— Уходите отсюда! Здесь не место неграм, — сказал он сердито.

И мы с Гордоном, сдерживая слезы, вернулись к маме.

Но вот и Нью-Йорк. По улицам стремился поток угрюмых, неразговорчивых людей.

— Что-нибудь случилось? — спросили мы маму.

— Нет, здесь всегда такая спешка, — отвечала она.

Нас приютили у себя Робинсоны. Это была знакомая нам негритянская семья. Мы с Гордоном чувствовали себя потерянными в этом большом городе и от волнения первые дни молчали и отказывались выходить на улицу.

Мама Ло сейчас же принялась искать работу. Но с детьми ее никто не брал.

— Отдай ребят в приют, тогда я возьму тебя к себе, — сказал ей владелец салуна — маленького трактирчика.

Ему нужна была служанка. И мама со слезами отдала меня и Гордона в приют для цветных детей.

„ЧЕРНЫЙ РАЙ“

— Не хочу быть служанкой, лучше снова займусь стиркой, а вас отдам в народную школу, — сказала нам мама, когда мы вышли из приюта. — Может быть, вам легче будет жить грамотными.

Мы поселились в негритянской части Нью-Йорка — Гарлеме. Такие негритянские кварталы существуют сейчас во всех крупных городах Америки.

В насмешку белые прозвали Гарлем „черным раем“. Дом, где мы жили, был такой же, как все дома в этом „раю“: серый, закопченный, сверху донизу забитый негритянской бедностью. Здесь жили рабочие — сапожники, прачки, портные. В каждой комнате ютилась целая семья. Детей было очень много, они выползали на лестницу, на улицу и играли там, ежеминутно рискуя упасть или попасть под автомобиль.

Мы с мамой жили в маленькой сырой комнатке.

Целый день в комнате стоял тяжелый белый пар и запах мыла. Слипшиеся от пота волосы падали маме на глаза.

Сидя в белом сыром тумане, мы учили уроки, решали задачи и писали изложения. Но вот груда выглаженного, накрахмаленного белья вырастала на столе.

— Эй, посторонись, задавлю! — кричал Гордон на улице.

Он развозил белье на маленькой тачке. А утром, до школы, и вечером, после уроков, он обходил соседние дома.

— Эй, не нужно ли печи топить? Уголь возить? — выкрикивал он.

Иногда ему удавалось что-нибудь заработать, и тогда все свои деньги он отдавал матери.

И я тоже не отставала от него.

— Салли, посиди с моим ребенком, покуда я схожу на рынок, — то и дело говорили мне соседки. И я качала и няньчила детей, чтобы только заработать хоть немного денег и помочь маме.

ГОРДОН РАНЕН

Был вечер. Я только что вернулась из школы и натолкнулась на встревоженную маму.

— Где Гордон? Ты не видела Гордона? Так поздно, а его все нет...

— Подожди, я сейчас сбегаяю к Тони Фейну узнать, — сказала я.

Тони Фейн был белый мальчик — сын слесаря, с которым дружил наш Гордон. Рабочие-белые всегда хорошо относились к неграм, и я любила бывать в бедной семье Фейн.

Мать Тони, бледная белокурая женщина, тоже была в тревоге:

— Я сама хотела бежать к вам. Моего Тони нет дома вот уже семь часов...

Я вернулась домой. Мама шагала из угла в угол:

— С ним случилось что-то недоброе... У меня тяжело на сердце, — повторяла она беспрестанно.

Она бросила гладить белье, работа валилась у нее из рук. Я тоже заразилась ее волнением. Мы крепко любили Гордона — веселого, подвижного, всегда готового всем помочь.

Вдруг раздался сильный стук в дверь, и Гордон, окровавленный, ввалился в комнату и упал на стул.

— Что с тобой? Ты ранен? Что случилось? — закричали мы, бросаясь к нему.

— Мы... попали... в негритянский погром... полиция избивала нас... — отвечал едва слышно Гордон.

Кто-то быстрыми шагами поднимался по лестнице. Это была мать Тони Фейна. Она запыхалась и вся дрожала.

— Вы слышали?! — закричала она нам еще с порога. — Когда же кончатся эти несправедливости?! Тони вернулся с выбитыми зубами!!!

И она рассказала нам то, что узнала от Тони.

Полисмен хотел арестовать на улице негра за то, что тот шел с белой женщиной. Негр оттолкнул полисмена. Раздался свист, со всех сторон набежала полиция с криком: „Бунт! Негры встают против представителей закона!“

Замелькали резиновые дубинки. Полисмены выскивали в толпе негров, вытаскивали их на середину улицы и били дубинками. Гордон и Тони заступились за негров и за это были избиты.

Я — УЧИТЕЛЬНИЦА

Стены класса плакали крупными слезами. Под партами стояли лужи. Ночью шел дождь, и ветхое здание школы промокло насквозь. На мне и на моих учениках отсырели платья. Ребята ежились и чихали. Это все были дети бедняков из Ямайки — предместья Нью-Йорка: итальянцы, негры, поляки, евреи. Они учились в жалкой маленькой школе, где я преподавала.

Я видела перед собой заштопанные платица, а из-под парт торчали ботинки, которые „просили каши“.

— Ребята! — сказала я. — Завтра мы пойдем в театр. Вы хорошо учились, и это будет наградой для всего класса. Мы возьмем две ложи...

В ответ раздались радостные восклицания. Почти никто из моих учеников ни разу в жизни не был в театре.

Назавтра мы двинулись в город.

Вот и театр: большое здание с белыми колоннами. Швейцар в золотых галунах проверял билеты, потом оглядел детей.

— Негры в ложу не допускаются, — сказал он сухо.

Что такое? Ребята стоят ошеломленные. Вдруг кто-то кричит:

— Цветных с нами не пускают?! Тогда и мы не пойдем, ребята!

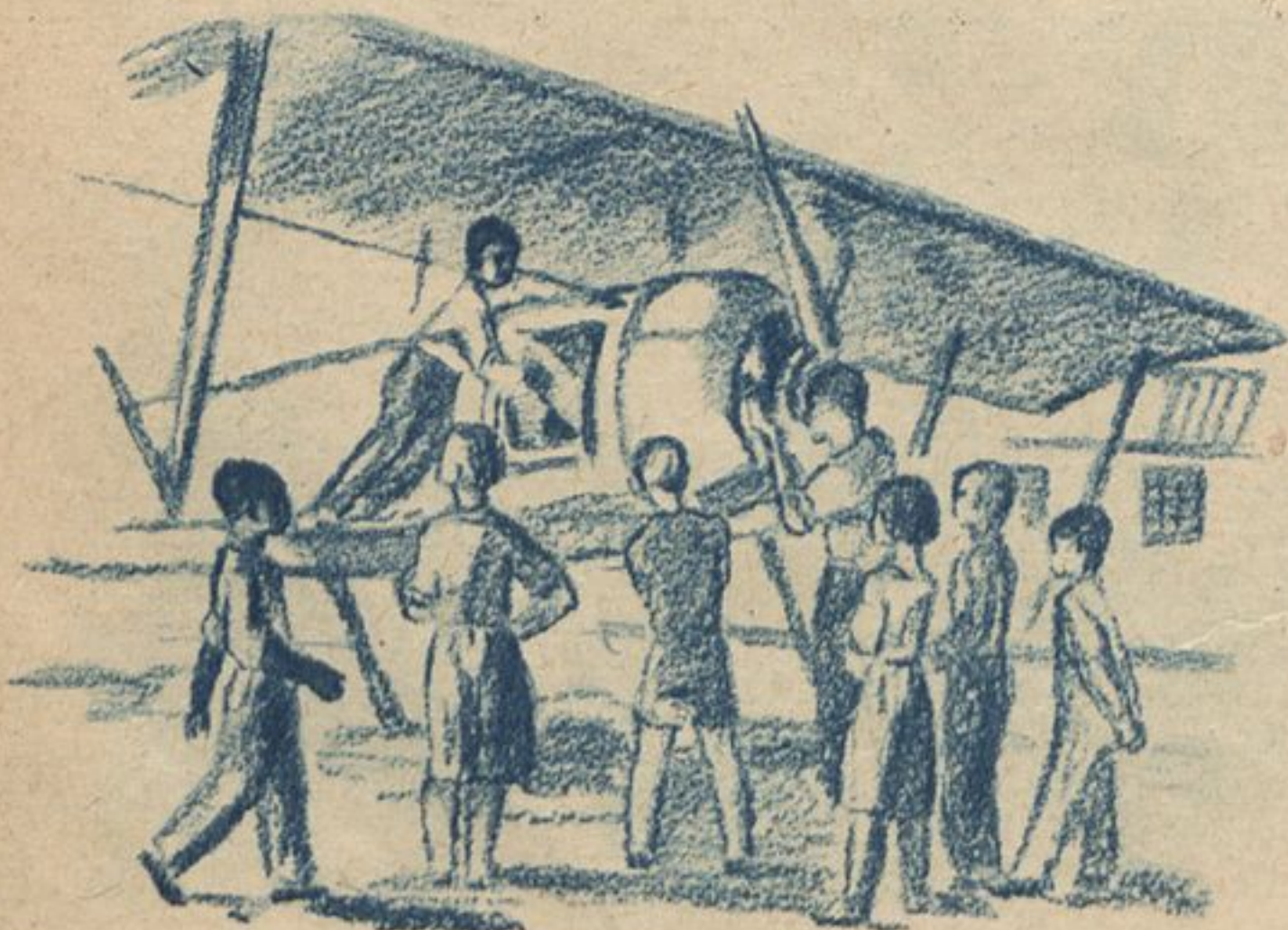
Это кричит Стан — маленький поляк, сын безработного. Он бьет себя по худенькой груди.

— Ребята, бросим им билеты и уйдем отсюда!

В воздухе мелькают розовые бумажки. Ребята рвут в клочья театральные билеты перед носом ошеломленного швейцара. И мы все уходим.

СТРАНА СЧАСТЛИВЫХ

— Миссис Дотсон, вам придется покинуть нашу школу. Вы плохо влия-

ете на детей; ходят слухи, что вы даже коммунистка, — сказал директор.

Было серое осеннее утро. Я шла к себе домой, в Ямайку. У меня уже было двое детей, и теперь, оставшись без работы, я боялась за своих мальчиков. Как они будут жить? Чем я буду их кормить?

Я зашла к своему знакомому, отцу моего ученика Стана. Он был тоже коммунист.

— Есть только одна страна в мире, Салли, — сказал он мне, — одна страна, где цвет кожи не делает человека отверженным. Если хочешь сделать своих детей счастливыми, отвези их туда.

Я знала, о какой стране говорит мой товарищ. И в один весенний вечер я, Чарли и Нил поехали в эту чудесную страну, в страну счастливых людей — в СССР.

* * *

— Мама, мама, они называли меня Джимом! Как только я вошел в школу, все окружили меня, жали руки и кричали: „Джим пришел! Здравствуй, Джим!“ Так что я теперь уже не Чарли!

Чарли так и сиял, рассказывая мне свой первый день в школе имени Радищева.

Мы приехали в Москву, и мои мальчики с головой окунулись в новую, счастливую жизнь. Нил уехал в Артек и прислал мне письмо:

„Дорогая мама! Здесь ужасно синее море, горячее солнце и ужасно хорошие ребята. И я себя великолепно чувствую. Меня ужасно все любят“.

Он приложил свою фотографию: сияющая физиономия с белыми зубами.

Сейчас Нил учится в интернациональной школе, а Чарли, или Джим, как называют его ребята, кончает школу имени Радищева и собирается поступать в военную школу. Он хочет стать защитником великой страны, которая стала его настоящей родиной и дала счастливую жизнь его черной семье.

Земляника

Стихи З. Александровой
Рисунок художн. А. Боровской

Земляникой алой
Поросли холмы.
С нашим запевадой
Выходили мы.

За рекою быстрой
Солнечный песок.
На губах душистый
Земляничный сок.

Мы прошли немало
В самую жару.
Знает запевала
Вырубки в бору.

Земляники столько
Поспеваает здесь,
Что ни мне, ни Кольке
Всю ее не съесть!

Пахнет земляникой
Теплая трава.
Вылетела с криком
Страшная сова.

Под большой осиною
Роет землю крот.
Я кладу в корзину,
А ребята — в рот.

В муравьиный город
Мы воткнули флаг.
Лезли через гору,
Видели овраг.

Там в своей берлоге
Мишка спит зимой...
Мы набрали много,
Нам пора домой.

К чаю опоздали
Мы на два часа,
Но зато узнали,
Где живет лиса.

И рассказов на год
Хватит у ребят,
И у всех от ягод
Животы болят.

Рисунок Антона Лесничего. Село Циглеровка, Украина.

ДВА „ДРУГА“

Два друга и приятеля
По лугу шли ранехонько
И у тропинки узенькой
Вдруг яблоко нашли.
И кинулись на яблоко,
Как два кота за мышкою.
Пыхтят, дерутся, возятся...
Один все ж победил!
Другой глядит обидчиво,
Ворчит на друга прежнего,
А тот пошел и яблоко
Невозмутимо съел...
Что скажете, читатели,
Таким друзьям-приятелям,
Которым грош цена?

Юрий Щербаков, село Березовка,
Сталинградский край.

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Мы получили ваше письмо, на которое с удовольствием вам и отвечаем. Мы получаем письма отовсюду, начиная с севера и кончая прекрасным Крымом.

Мы очень довольны, что приехали в прекрасную и гостеприимную страну Советского Союза.

Наши отцы сейчас борются против фашистов, как 20 лет тому назад ваша страна боролась против белогвардейцев и интервентов. Но фашисты напрасно теряют время, потому что Испания достаточно сильна и революционна, чтобы победить.

Когда война кончится и наша страна будет такой же свободной и сильной, как ваш Союз, мы будем жить и учиться так же, как и вы.

Многие из нас последнее время жили в детских домах.

Пионерские организации жили и работали при фашистах подпольно, потому что их преследовали так же, как и взрослых.

Среди нас есть дети, которые не умеют ни читать, ни писать, хотя им уже по 10—11 лет, потому что их родители жили так бедно, что посылали их работать, а не в школу.

Почти все мы пережили ужасы бомбардировки, на наших глазах происходили бои в воздухе, и страшно было, когда разрывались бомбы.

Некоторым из нас пришлось бежать из городов, захваченных фашистами.

Нам здесь, в Артеке, очень хорошо. У нас есть большой, красивый парк, много игр и чудесное море.

В школе занимаемся только 2 часа, остальное время отдыхаем.

Мы разделены на 4 отряда, в каждом отряде есть русский вожатый и испанский преподаватель. Все мы работаем на Детской технической станции, где есть отделения: рисование, радио, телефон и авиамодели.

Большинство из нас хотят быть летчиками.

Мы надеемся здесь хорошо отдохнуть и поправиться.

С дружеским пионерским приветом шлем вам лучшие пожелания.

Коллектив испанских пионеров.

7 мая 1937 г.

Артек

Тяпа

НАШ ТЕАТР

День жаркий, делать нечего. Ребятам нашего дома захотелось устроить у себя в сарае театр и ставить там детские пьесы. Мы достали пьесу „Золотой ключик“ и поставили ее.

Детей собралось много. До начала спектакля ребята играли в бильярд и другие игры.

Вскоре дали три звонка. Все уселись, и занавес открылся.

Целый час смотрели ребята эту пьесу. Всем очень понравилось.

Стало уже вечереть, и мы, старшие пионеры, показали им еще две туманных картины: „Лимпопо“ и „Чапаев“. Во время просмотра картин ребята весело хохотали.

По окончании кино все ушли домой очень довольные.

Каждый день теперь у нас во дворе бывает такое хорошее веселье.

Толя Зиновев, г. Зарайск.

Приключение Тяпы

(Продолжение)

Вот бежит Тяпа по зеленой лужайке и вдруг видит: на солнышке лежит круглый шарик. „Вот хороший мяч“, подумал Тяпа, подбежал к нему и ударил его лапой. И вдруг завизжал от боли, так как в лапу ему впился сразу целый пучок иголок. Это был ёж; он, свернувшись, спал. Обиделся Тяпа,лизал лапку и пошел дальше искать чего-нибудь поесть. С утра он ничего не ел. На другой стороне полянки он увидел кормушку, такую же, как та, что стояла у него в клетке. Около кормушки прыгали кролики и гуляли какие-то огромные птицы. Это были страусы. Около них гуляли их птенцы — страусята.

Тяпа, прихрамывая, направился к кормушке, в которой был насыпан овес и нарезана морковь. Только Тяпа хотел полакомиться морковкой, как на него налетел самый большой страус. Он сбил Тяпу с ног и пребольно клюнул прямо в нос. Тяпа от боли и от страха кубарем откатился от кормушки, вскочил на ноги и с громким визгом побежал к ближайшему дереву, на которое влез, как обезьяна, и притаился там, прижавшись к толстой ветке.

Тут его увидел один посетитель. Он тотчас же пошел и сказал сотруднику парка. Сотрудник поймал Тяпу и посадил его в клетку. А на другой день к Тяпиной клетке приделали замочек. И больше Тяпа не стал выбегать из клетки. Но теперь он никогда уже не просыпал, потому что боялся остаться без завтрака.

*Боря Репман,
Витя Миرونчев*

Москва

Максим Горький.

Фигуру М. Горького вылепил из пластилина московский школьник Олег Теплов.

Эта работа послана на Всемирную парижскую выставку.

Бобы

Стихи А. Кардашовой
Рисунок художн. Ф. Хитрук

Папа мне принес пакет.
В нем орехи или нет?
Вот раскрыла я пакет.
Тридцать штук семян бобовых,
Лакированных, лиловых,
Поскакали на паркет.

Папа мне сказал: „Иди,
Их скорее посади,
Чтобы к майским торжествам
Зеленеть твоим бобам!“

Землю я весь день таскала,
Все боялась—будет мало.
Двадцать раз летала в сад
И опять неслась назад.

Но зато, когда стемнело,
Мама спать итти велела,
Каша стыла на столе,—
Тридцать штук семян бобовых,
К маю вырасти готовых,
Были в ящике, в земле.

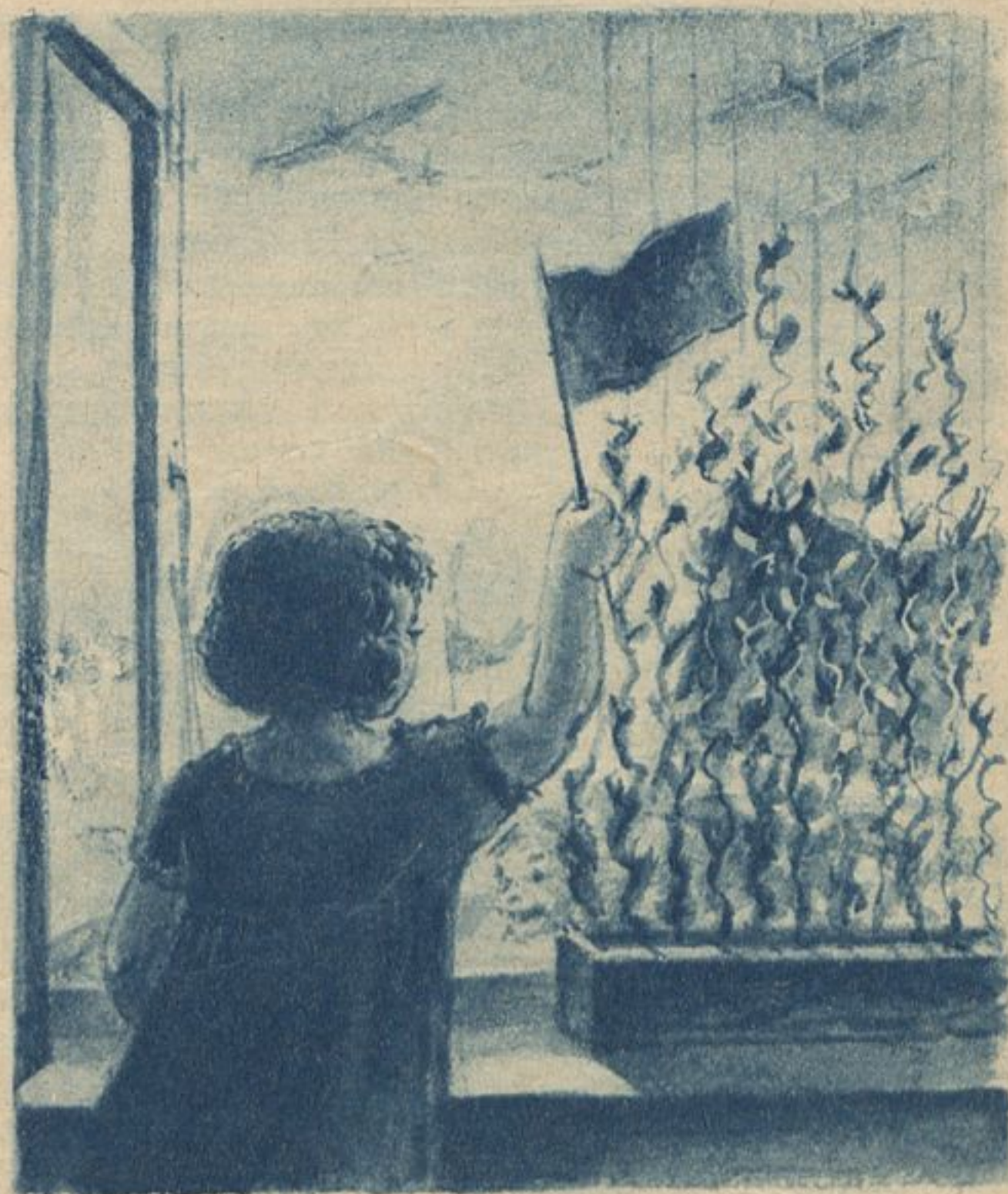
Утром я из кувшина
Поливала семена.
Вот я кончила обедать
И пошла бобы проведать.

Что же это в самом деле?
Их, должно быть, черви съели?
Я все дни, все ночи тут,
А бобы все не растут.

Вдруг я вижу — тонкий, белый
Вышел стебель, как стрела.
Я на белый не глядела,
Я зеленого ждала.

А бобы во-всю старались,
Торопились, продирались,
Незаметно из земли
Вылезали и росли.

А когда под красным флагом
Шел веселым крепким шагом
В красных галстуках отряд,
Тридцать пар листков зеленых
На стеблях своих точеных
Стройно встретили парад.

ИГРЫ, ЗАДАЧИ, ЗАГАДКИ

Фотозагадка

Что это такое?

ЗАГАДКИ

1. Что это за дорога: кто идет, тот хромает?
2. Легонькое, маленькое, а на крышу не закинешь.
3. Какое дерево без ветра шумит?

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ АРИФМЕТИКА

Возьми 3 единицы, 3 двойки и 3 тройки и расставь их в 9 клеточках так, чтобы при сложении слева направо, справа налево, сверху вниз, снизу вверх сумма чисел равнялась 6.

2	1	3	=6
1	3	2	=6
3	2	1	=6
=6	=6	=6	

ИГРА В КАМЕШКИ

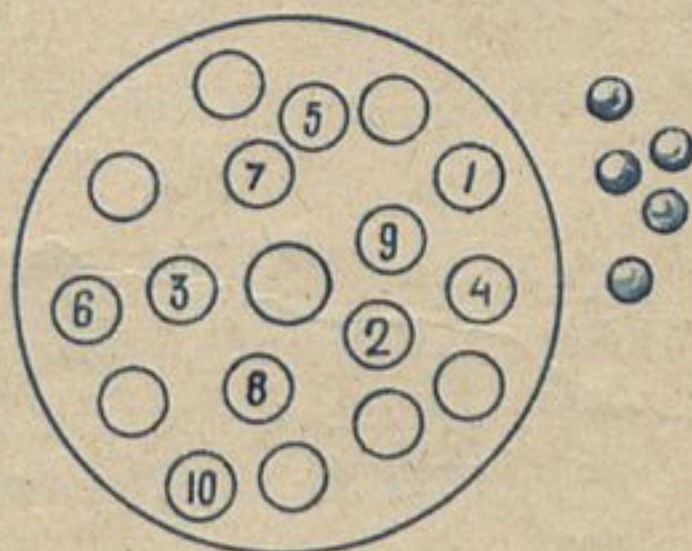
На земле или на песке начертите круг диаметром в 50 сантиметров и внутри этого большого круга начертите 18 кругов маленьких. На десяти кругах напишите десять цифр, расположив их так, как показано на рисунке.

Найдите пять круглых камешков и начинайте играть.

Играют поочередно, бросая камешки по одному разу с высоты 15—20 сантиметров на середину круга.

Камешек, попавший на кружок с цифрами, выигрывает столько очков, сколько показывает цифра. Камешек, попавший в пустой кружок или в пустое место, не засчитывается.

Выигрывает тот, кто набрал большее количество очков.

СОДЕРЖАНИЕ

У нас гостят испанцы. А. Гудимов, фото С. Гурария	1
Волга — Москва. Союзфото	4
Одуванчик. Стихи Е. Благиной, рисунок художн. А. Брея	6
Лимон. Рассказ Михаила Пришвина, рисунки художн. К. Кузнецова	7
Максим Горький и Клим Ворошилов в тире Центрального дома Красной армии. С картины художника В. Сварога	10
Воробьишко. Рассказ М. Горького	11
Рассказы Салли Дотсон (продолжение). Н. Кальма, рисунки художн. М. Михаэлис	12
Земляника. Стихи З. Александровой, рисунок художн. А. Боровской	17
Мурзилкина газета. Рассказы и рисунки читателей	18
Бобы. Стихи А. Кардашовой, рисунок художн. Ф. Хитрук	20
Игры, задачи, загадки.	
Удивительный кот — В. Середкин. Рисунки В. Константинова.	
На обложке рисунок художн. Е. Афанасьевой.	
Приложение: Как собирать грибы. Н. Плавильщиков. Художн. А. Носов.	

ОТВЕТ НА ГОЛОВОЛОМКУ.

Вот как надо сложить одиннадцать спичек:

Отгадки на загадки, помещенные в журнале № 5

- Первая — Дуга.
- Вторая — Ложка.
- Третья — Дождь.
- Четвертая — Соль.
- Пятая — Круг.

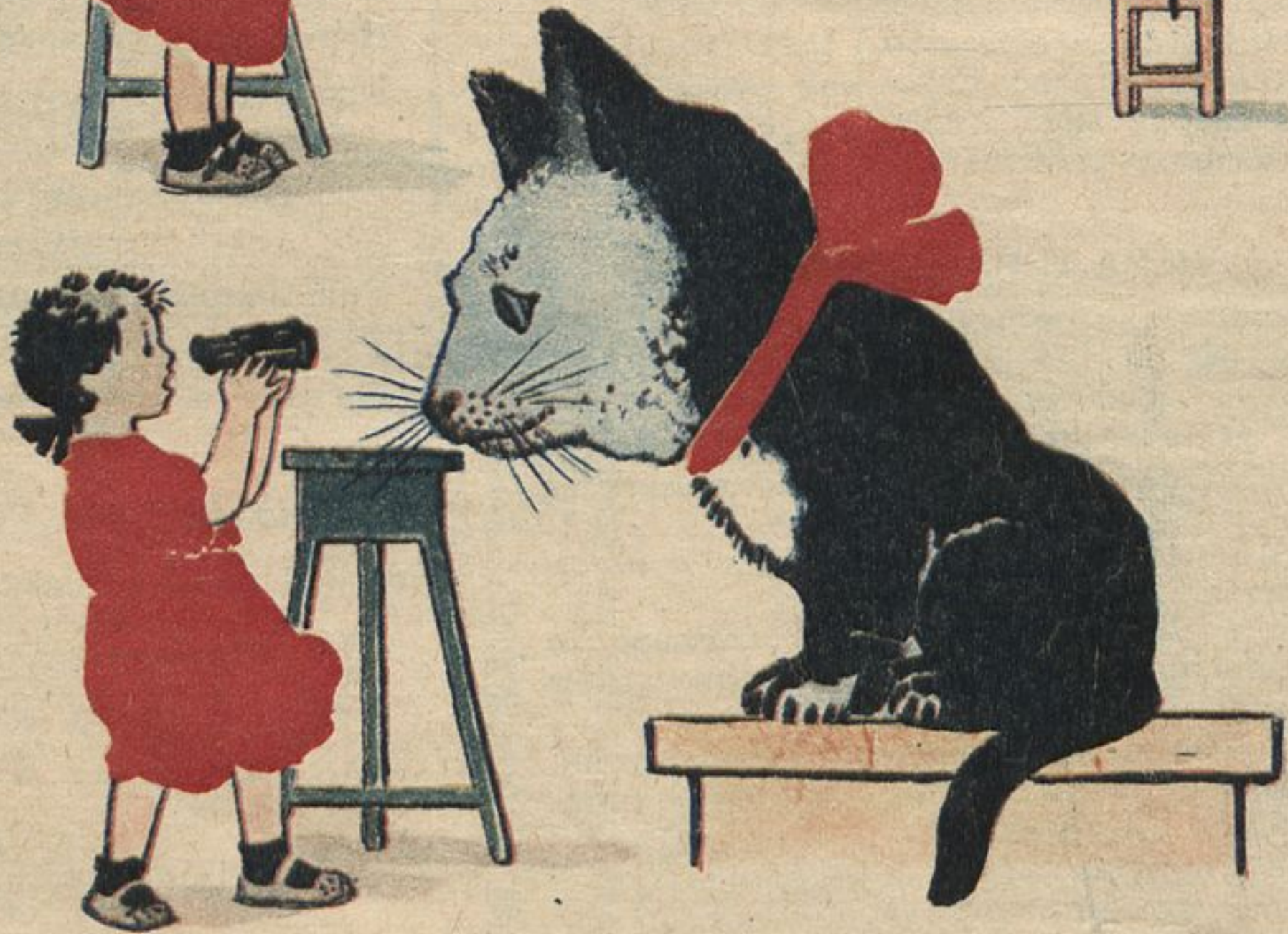
Редколлегия: Барто А., Маршак С., Кассиль Л., Смирнова В., Степанова А., Шифрин Н.

Ответственный редактор Лев Кассиль.

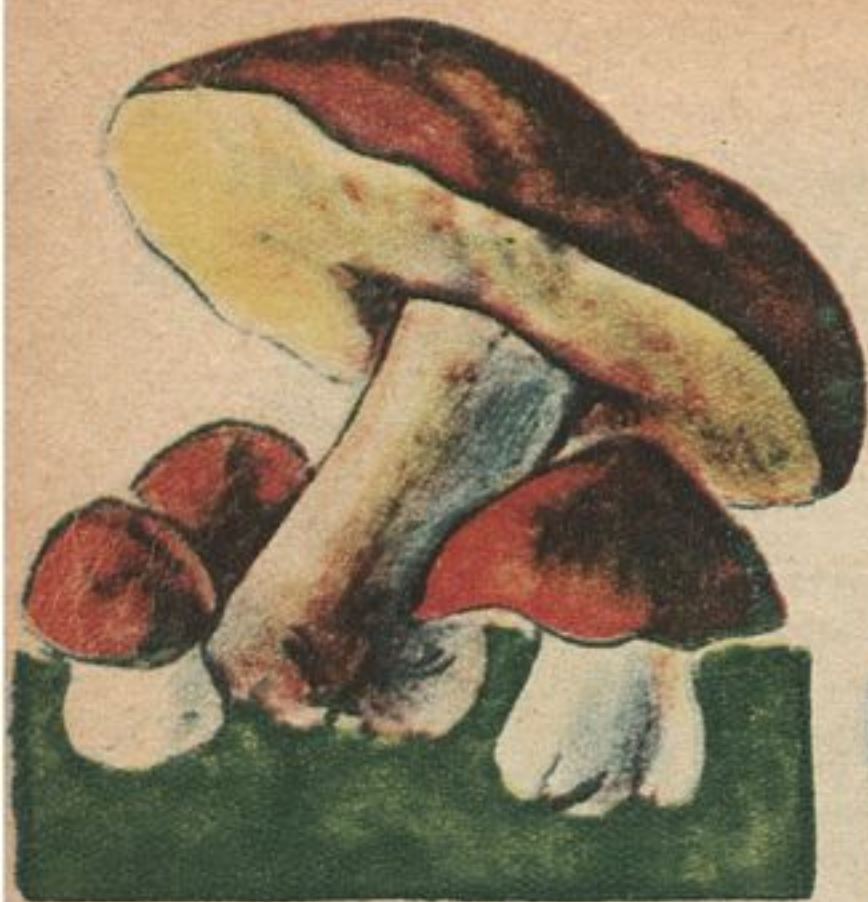
Оформление В. Веретенникова.

Сдано в набор 5/V 1937 г. Подписано к печати 29/V 1937 г. Объем 3½ печ. л. Ст.-форм. 62 × 94½ листа. Уполномоченный Главлита Б-17594. Заказ № 1324. Детиздат № 1350. Тираж 200 000.

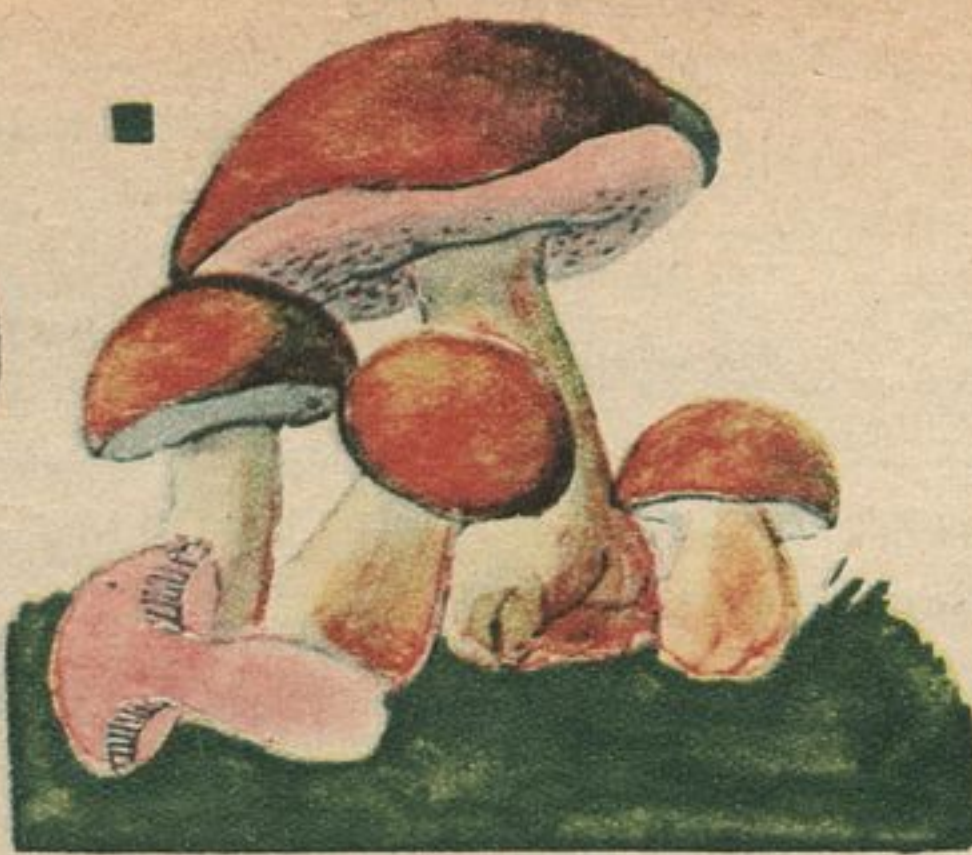
Типография «Гудок», Москва, ул. Станкевича, 7.

ГРИ

Белый

Горький Боровик (ядовит)

Чортков гриб (ядовит)

Подорешник

Подберезовик

Подосиновик

Лисичка

Рыжик

Волнушка

Сыроежка

Ложная лисичка (ядовит)

Дождевик

Горькушка

Козлиная борода
(ядовит)

БЫ

Шампиньон

Бледная поганка (ядовит)

Масляник

Сморчок

Строчок (ядовит)

Опенки

Вонючка (ядовит)

Навозник

Ежовик

Гриб зонтик

Моховик

Валуй

Мухомор (ядовит)

Сухарь

КАК СОБИРАТЬ ГРИБЫ

Н. Плавильщиков
Художник А. Носов

Жуков очень много. В нашем Союзе водится около 20 тысяч видов жуков; в окрестностях любого города или колхоза можно собрать не менее тысячи видов жуков. Но мало просто собирать жуков, нужно собирать с толком, а не как попало. Сделать это нетрудно.

Снаряжение для собирания жуков несложно: сачок, морилка, коробка для хранения жуков.

Сачок сделай сам. Из толстой проволоки согни обруч — круг, поперечником в 30 — 40 сантиметров. Концы обруча оттяни, чтобы прикрепить обруч к палке. На рисунке 1 показано, как это сделать. На обруч нашей мешок глубиной в 50 — 60 сантиметров. Для ловли жуков на лету мешок шей из кисей, марли. Для ловли водяных жуков в воде шей мешок из прочной канвы или же шей его из полотна, холста, а дно его сделай из мелкой металлической сетки, чтобы вода быстро вытекала из мешка. Наконец, ловят жуков и так: быстро проводят сачком по траве, кустам, словно косят. Здесь нужен прочный, полотняный мешок. Палку для любого сачка возьми гладкую, удобную для руки, длиной в 1—1,5 метра.

Пойманных жуков нужно поскорее умертвить. Для этого служит морилка — банка с широким горлышком и хорошей корковой пробкой (не стеклянной!). Банку наполовину заполни смятыми полосками бумаги, чтобы жуки не терлись друг о друга. Умертвить жуков можно эфиром, бензином, даже гофманскими каплями. К нижней стороне пробки приколи комочек ваты, казни на него эфиром и быстро этой пробкой заткни банку. Эфир испарится, и жуки умрут в его парах через 15 — 30 минут; но некоторые жуки живут в морилке часами. Для крупных жуков нужна банка не меньше стакана, для мелких жуков годна и маленькая баночка (рис. 2).

Умерщвленных жуков можно наколоть и расправить сейчас же, а можно их упаковать

ки. У них края шляпки снизу подогнуты, словно валик. К осени около пней, по корням, на опушках и лесных вырубках появляются тонконогие опенки. Они растут большими семьями, нередко помногу десятков сразу. У желтых лисичек шляпка имеет вид толстой складчатой воронки. Лисички растут помногу сразу. На лисичку похожа ложная лисичка, но у нее шляпка более правильной формы, не такая мясистая и более красноватая. Эту лисичку лучше не брать — подозрительный гриб. У грибов-ежовиков, или колчаков, шляпка снизу усажена словно сосочками или шипиками. Ежовики съедобны.

На выгонах, лугах, в рощах и садах растут белые дождевики, похожие на неправильные шарики или груши. У них кожица и белое мясо. Молодые белые дождевики съедобны и очень вкусны жареные; неплохи и сушеные, маринованные. Взрослый дождевик темнеет, высыхает и превращается в мешочек, наполненный, словно пылью, спорами. Такой дождевик все знают под названием „чортов табак“. Бывают очень большие дождевики — с арбуз величиной и весом до 16 килограммов. На навозных кучах, по огородам, садам можно найти грибы-навозники — белые колпачки на тоненьких ножках. Они вполне съедобны. На унавоженной земле нередки и шампиньоны. На них очень похожа бледная поганка, самый ядовитый из наших грибов. Отличить ее от шампиньона можно по таким признакам:

1) пластинки на нижней стороне шляпки у бледной поганки белые, у шампиньона — розовые или коричневые; 2) ножка у бледной поганки внизу раздута, словно луковица;

3) у основания ножки есть широкая белая пленка, а на шляпке — белые чешуйки или лоскутки; у шампиньона ножка простая, пленки на ней и лоскутков на шляпке нет.

Красный мухомор ядовит, его все хорошо знают: красная шляпка с белыми лоскуточками. **Большой гриб-зонтик**. Он бывает до 30 сантиметров высотой, а шляпка его достигает 25 — 30 сантиметров в поперечнике; это самый большой наш гриб. Красивый, стройный, большой, он, словно зонтик, стоит среди травы, чаще один. Гриб-зонтик похож на мухомор, но у него шляпка серая, посередине темнее, в темных пятнышках. Обычно этот гриб не едят.

Весенние грибы — сморчки и строчки. У сморчка шляпка словно губчатая, в больших ямах и ячейках. У строчка она складчатая, словно мозг, не такая высокая, а сам гриб более широкий, коренастый. **Строчок нельзя жарить сразу — можно отравиться. Он ядовит.** Его нужно полчаса кипятить, затем слить воду, промыть чистой водой и тогда уже жарить.

Ядовитых грибов у нас не так много. Главные перечислены. **Отличить неизвестный ядовитый гриб от съедобного ни по каким приметам нельзя:** вкус, запах, цвет — все это может обмануть. **Нужно знать грибы,** только тогда убережешься от ядовитых. Поэтому не берите тех грибов, которых вы не знаете.

На цветной таблице нарисованы многие из наших грибов. Около грибов ядовитых и несъедобных поставлен значок (черный квадратик). Хорошенько запомните эти грибы.

Рис. 3

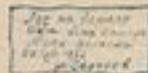

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8